

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос)

А.Д. Сёмкин

**«ДЛЯ КАКИХ ТАКИХ
ВЫСШИХ ЦЕЛЕЙ
ОНИ СТРАДАЮТ
И ДЛЯ ЧЕГО
ОНИ ЖИВУТ».
ВНОВЬ
О ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЕ
ЧЕХОВСКОГО МИРА**

Рассматривается парадигма телеологических моделей – попыток ответа на вечный вопрос о смысле и цели существования – в творчестве Чехова. Вводятся понятия «модель-якорь» (оправдание жизни через упрощение ее путем принудительного внесения смысла), «модель-вектор», (общая устремленность в сторону осмысленности жизни) и «человек поля», (согласно идеологии Чехова, истинный мудрец, проходящий путь между полюсами «есть смысл» и «нет смысла»).

Ключевые слова: телеологическая модель, смысл существования, цель, модель «якорь», модель «вектор», «человек поля», Чехов.

DOI 10.18522/1995-0640-2020-2-43-50

Сёмкин Алексей Данилович – канд. искусствоведения, доцент кафедры литературы и искусства Российского государственного института сценических искусств
Тел.: +7-911-755-94-38
E-mail: gerasim.61@mail.ru

© Сёмкин А.Д., 2020.

Размышляя о парадигме телеологических моделей в творчестве Чехова, мы рассматриваем варианты смысло-целевой ориентации его героев в жизни. Каждое упоминание в произведении теснейшим образом связанных мотивов смысла, цели и успеха неминуемо означает и описание некоторой конкретной мировоззренческой модели. Поэтому можно говорить о парадигме, или веере возможных мировоззренческих моделей, в мире Чехова. А поскольку Чехов захватывал материал современной ему жизни очень широко, может быть, не будет преувеличением сказать, что совокупность его текстов дает более или менее целостную картину мировоззренческих моделей, актуальных для его эпохи.

Было также отмечено одно важное обстоятельство. Конечно, поэтика Чехова не предполагает вынесения приговоров, однако, утверждая равенство чеховских героев перед телеологическим сканером, следует все же признать существенную разницу между Рагиным и Хоботовым, между Аксиньей и Липой. Можно определить систему этических координат чеховского мира через ключевое для писателя понятие скуки, разделив героев на «скучных» и «нескучных». Первые – те, кто собственным существованием обуславливает владычество скуки в мире, становится ретранслятором собственного тягостного томления в окружающую действительность, «проводником скуки». Вторые способны противостоять низкому и пошлому. Проблема смысла, содержания жизни касается и тех, и других.

В современных работах по телеологии можно обнаружить схожее деление – но по принципу более традиционному; критерием является понятие благородства, тесно связанное с жизненной целью, осознанием собственного предназначения: «Просвещенческая трактовка прогресса, доведенная до идеи “прогресса в понятии свободы”, означала интерпретацию человека в качестве цели истории. Данное представление о человеке включало осознание необходимости замены внешней социальной регламентации на внутреннее нравственное самоограничение посредством домисливания меры своей ответственности до собственной свободы» [Румянцев, 2004. URL]. Эта мысль поясняется двойной иллюстрацией: «Это положение эмоционально выразил Х. Ортега-и-Гассет: служение – удел избранных; или словами Гете: “Жить как хочется – plebejство, благородны долг и верность”» [Там же].

Благородная цель актуальна и для лучших чеховских героев – таков Васильев в рассказе «Припадок»: *«Ему почему-то казалось, что он должен решить вопрос немедленно, во что бы то ни стало, и что вопрос этот не чуждой, а его собственный. Он напряг силы, поборол в себе отчаяние и, севши на кровать, обняв руками голову, стал решать: как спасти всех тех женщин, которых он сегодня видел?»* (VII, с. 215). Еще более жестко задана необходимость такой цели в «Учителе словесности» – благородное существование означает для Никитина принципиальную невозможность индивидуального счастья: *«Он догадывался, что иллюзия иссякла и уже начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем и личным счастьем»* (VIII, с. 331–332).

2. В одной из наших предшествующих работ [Сёмкин, 2017] были намечены две парадигмы телеологических моделей, говоря упрощенно, негативная и позитивная.

Негативная представляет спектр многообразных вариантов чисто практических целей, в пределе же завершается отрицанием смысла в жизни вообще: *«Жизнь, голубчик, коротка, и надо прожить ее получше»* (IX, с. 75, «Три года»).

Позитивная выстраивает смысло-целевые модели в соответствии со степенью активности, участия в жизни: от смирения, воплощающегося в естественном существовании до служения высокому долгу.

Однако предложенная схема объясняет далеко не все. Реальность оказывается неизмеримо сложнее, а конкретный материал вступает в противоречие с идеологией. При внимательном и добросовестном рассмотрении различных вариантов моделей безусловно позитивного ряда, все очевиднее становится авторская насмешка над очередной неоспоримой истиной правильного жизнеустройства. Насмешка, приобретающая порой характер злой издевки. Приведем несколько примеров.

1. Под прицелом беспощадного здравого смысла оказывается семейная жизнь: *«...ему было странно, что эта здоровая, молодая, неглупая женщина... всю свою энергию, все силы жизни расходует на такую несложную, мелкую работу, как устройство этого гнезда...»* (X, с. 14, «У знакомых»).

2. Сомнительной ценностью оказывается труд, обожествляемый сам по себе: очевидно невозможно абсолютно всерьез воспринимать патетические речи Ирины в «Трех сестрах»: *«Боже мой, не то что человеком, лучше быть... простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно!»* (XIII, с. 123, «Три сестры»).

3. Издевательски презрительным может быть отношение к выбору любви в качестве смысла существования: *«Природа постановила, чтобы человек в известный период своей жизни любил. Настал этот период, ну и люби во все лопатки <...> Главное – не мудрствовать, а жарить по шаблону! Шаблон великое дело!»* (V, с. 124, «Счастливчик»).

4. Абсолютно бесспорной представлялась герою «Скучной истории» ценность науки. Однако и она не подлежит абсолютизации, ибо оказывается в высшей степени обманчива: *«Все, что он писал и изрекал, казалось мне гениальным... Боже, а теперь? Вот он в отставке, и теперь виден весь итог его жизни: после него не останется ни одной страницы труда,...»* (XIII, с. 80, «Дядя Ваня»).

5. Беспощадная фраза о борьбе, которая осознается как смысл жизни, окрашена авторской иронией: *«Смысл жизни только в одном – в борьбе. Наступить каблуком на подлую змеиную голову и чтобы она – крак! Вот в чем смысл. В этом одном, или же вовсе нет смысла»* (VIII, с. 200, «Рассказ неизвестного человека»).

6. Не вызывает читательской симпатии наивно-самовлюбленное сознание героини, видящей смысл существования исключительно в служении искусству: *«...небо, берега, черные тени и безотчетная радость, наполнявшая ее душу, говорили ей, что из нее выйдет великая художница и что где-то там за далью, за лунной ночью, в бесконечном пространстве ожидают ее успех, слава, любовь народа...»* (VIII, с. 15, «Попрыгунья»).

Итог этому краткому обзору может быть подведен словами того же скептического Войницкого: *«Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего»* (XIII, с. 82, «Дядя Ваня»).

Тогда основой существования, телеологической моделью может стать что угодно – даже, например, стыд: *«Ему было стыдно своей бедности и своего унижения, и этот стыд был теперь главным содержанием его жизни»* (IX, с. 135, «Убийство»). Назовем такой тип телеологической модели моделью «якорь» в отличие второго типа, от модели «вектор». Предлагаемая нами чрезвычайно простая иерархия телеологических моделей тесно связана с рассмотренной выше оппозицией людей «благородных» и «неблагородных», людей «избранных» и «людей-массы», или, в предложенной нами терминологии, «людей скуки» и «нескучных».

Модель «якорь» представляет собой оправдание жизни черезнесенный в нее смысл и обретение устойчивости. Речь идет о стяжании искомого смысла, так сказать, любой ценой. Якорем может быть и высокое (любовь, долг) и примитивное, убогое, унижительное для челове-

ской личности – главное не в этом. Принципиально важно одно: поиск и дальнейший путь не нужны, поскольку все и так хорошо.

Модель «вектор» предполагает устремленность к осмысленности жизни, но при отсутствии четко сформулированного смысла, как в декларации доктора Благово:

«– *Жить и не знать определенно, для чего живешь!*

– *Пусть! Но это “не знать” не так скучно, как ваше “знать”. Я иду по лестнице, которая называется прогрессом, цивилизацией, культурой, иду и иду, не зная определенно, куда иду, но, право, ради одной этой чудесной лестницы стоит жить...*» (IX, с. 221, «Моя жизнь»).

Как видим, осмысленное движение представляется возможным даже при осознанной невозможности до смысла докопаться – но, что очень важно, само существование смысла в жизни под сомнение не ставится. Смысл в конечном счете становится производной от самого процесса движения. Только Чехов с его максимально широким, всеобъемлющим взглядом на жизнь и на человека мог адекватно изобразить подобный способ отношения к миру. Может быть, об этом пытался сказать М. Горький в статье «По поводу нового рассказа А. П. Чехова “В овраге”»: «У Чехова есть нечто большее, чем мирозерцание, – он овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше ее. Он освещает ее скуку, ее нелепости, ее стремления, весь ее хаос с высшей точки зрения. И хотя эта точка зрения неуловима, не поддается определению... но она всегда чувствовалась в его рассказах и все ярче пробивается в них» [Горький, 2019, с. 38].

Рассмотрим названные модели подробнее. Осуществление модели «якорь» в реальности выглядит чаще всего достаточно неприглядно. Убежденность в обладании абсолютной истиной в чеховской картине мира всегда тревожный знак, в этом случае поиск, какое-либо движение уже не нужны, поскольку все и так ясно, смысл уже найден: «*Он уверен в самом себе, в своих препаратах, знает цель жизни и совершенно незнаком с сомнениями и разочарованиями, от которых седеют таланты. Рабское поклонение авторитетам и отсутствие потребности самостоятельно мыслить*» (VII, с. 260, «Скучная история»). Совершенно очевидно, что для автора эти черты – уверенность в знании цели жизни и отсутствие потребности самостоятельно мыслить – одного порядка и одной природы.

Обратимся к модели «вектор». Наиболее наглядны три варианта.

Первый имеет непосредственное отношение к важнейшему мифу русской классической литературы о народе как носителе сокровенной мудрости. Утрата важных оснований жизни образованным человеком особенно очевидна на этом фоне: «*У них есть цель жизни... вера, а у нас одни вопросы... вопросы и ужас!*» (V, с. 175, «Скука жизни»). А для простодушного мудреца из народа смысл – в самой жизни, которую можно устроить по-человечески, во что верит, например, герой рассказа «Мечты»: «*Стану я, как люди, пахать, сеять, скот заведу и всякое хозяйство, пчелок, овечек, собак <...>. Поставлю сруб, братицы, образов накуплю...*

Бог даст, оженюсь, деточки у меня будут» (V, с. 400). И пусть мечты эти собеседниками тут же безжалостно разрушаются – жизнь эта уже и сейчас в чем-то по-настоящему правильна, она нормальна в самом высоком значении слова.

Второй вариант связан с людьми особенной породы. Это люди долга, прирожденные вожди, такие, например, как Пржевальский, которому Чехов посвящает небольшой, в высшей степени патетический очерк: *«их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу»* (XVI, с. 236).

Наконец третий вариант возвращает нас к одной из важных для Чехова тем – размышлений о русской интеллигенции, о которой сам писатель высказывался порой весьма скептически и символом которой оказался в представлении будущих поколений. Смысл существования самых чистых, прекрасных представителей интеллигенции воплощается в не менее прекрасные, но в высшей степени расплывчатые призывы: *«Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, – вот цель и смысл нашей жизни»* (XIII, с. 227, «Вишневым сад»).

Таковы, как нам представляется, основные способы воплощения модели «вектор» в чеховском творчестве. Но неужели этим и ограничивается позитивная парадигма чеховских телеологических моделей?

В чем причина возникающих сомнений и ощущения серьезно-го упрощения проблематики, которое смущает во всех рассмотренных выше вариантах? Наиболее интересные, мыслящие герои Чехова, – ни Лаптев, ни Мисаил, ни Астров – в эту парадигму совершенно не вписываются; мешают определенность, схематичность предложенного способа жизнеустройства и в результате противопоставленное свободному поиску тяготение опять-таки к модели «якорь». Можно ли говорить о промежуточном варианте между моделью «якорь» и моделью «вектор»? Каков у Чехова человек, который уже ушел от скуки и примитива «задора» (т. е. «плебейства»), но не пришел к модели «вектор», исполнению долга? Они есть, их немало, и это самые близкие Чехову герои; более того, в дневниках и письмах, как мы увидим, сам писатель определяет свою позицию сходным образом. Итак, это люди, оставшиеся в пустоте, без уютного, хотя и скучного *«Нужно жить и наслаждаться...»* (V, с. 367, «Тина»), но и не сумевшие обрести себя в высоком «служении» (которое чеховская ирония немедленно ставит под сомнение – разве не приобретает тот же Пржевальский в пространстве художественного текста пугающие черты фон Корена?)

Такого героя, мучающегося отсутствием смысла, оказавшегося в телеологической пустоте, но непременно воспринимающего отсутствие смысла как вызов лично себе, мы предлагаем называть «человеком поля». Здесь имеется в виду известная чеховская идеологема о поле религиозно-нравственных исканий: *«Между „есть Бог” и „нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из двух этих*

крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало» (XVII, с. 33–34, «Записная книжка I»).

В своей известной статье, посвященной вопросу религиозности Чехова, А. П. Чудаков буквально под микроскопом исследует эту небольшую запись [Чудаков, 1996]. Главный вывод, сделанный исследователем: высшими ценностями должны быть признаны сама огромность поля, процесс его прохождения и свободный человек, «истинный мудрец», это поле проходящий. Важна абсолютная свобода этого мудреца, в терминологии Чудакова – «человека поля». Таким «человеком поля», абсолютно свободным от всех границ, вех, далеким от обоих полюсов, оказывается и сам Чехов.

Воспользуемся этим образом и мы. Предположим, что такое же точно поле существует между «есть смысл» и «нет смысла». Тогда мы должны констатировать, что и в этом случае определение «человек поля» относится к любимейшим героям Чехова, наиболее ему близким. Вернувшись к оппозиции «скучных» и «нескучных» людей, обнаруживаем наличие цели (и смысла), как ни странно, скорее у «скучных». Эта цель может быть ничтожной (у Николая Ивановича в «Крыжовнике»), или пошлой (у Кириллова в «Дуэли»), или жуткой (у Аксиньи в «В овраге») – но она есть. Это закономерно, ведь уверенность в обладании истиной, в собственной правильности и праведности – одно из основных качеств героя, принадлежащего к миру скуки. По-видимому, это относится и к модели «якорь», и к модели «вектор», мы склонны утверждать, что в чеховской иерархии мировоззрений любой путь предпочтительнее определенности и ясности – а ведь модель «вектор» тоже предполагает в какой-то степени определенность и ясность. И с этой точки зрения нет принципиальной разницы между поедающим огурцы гостем в «Печенеге» и Трофимовым в «Вишневом саде». Вот чем объясняется авторская ирония, окрашивающая описание героического путешественника («Дуэль»), наивные грезы каторжника в «Мечтах», восторженные монологи Пети Трофимова.

Людам же нескучным остаются мучения, связанные с осознанием невозможности обозначить цель («Скучная история»), или волевое усилие доктора Благово («Моя жизнь»), или искушения «Черного монаха». Но все они – живые и сомневающиеся; даже безобразник и хулиган Дымов из «Степи» оказывается автору и нам чем-то близок и вызывает симпатию именно в момент его признания в скуке, т. е. в трагической неукорененности в жизни. Ведь действительно скучному человеку скучно не может быть. Он защищен от хаоса «поля» сознанием понятности жизни и своей правоты.

А вот положение «человека поля» может быть и тоскливым, и даже страшным. Ужасен может оказаться результат душевной работы, поисков смысла – таков Иванов, опустошенный, искалеченный, но по-прежнему настойчиво размышляющий все о том же: *«С тяжелою головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без*

веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу?» (XII, с. 74).

Подчеркнем еще раз: «человека поля» отличает способность мучиться такой мукой там, где для «человека массы», «человека скуки» вообще нет проблемы. Эта способность – крест избранных, а смысл, как мы пытались показать выше, в самом пути: *«У вас почтенная бессонница; как бы ни было, она хороший признак. В самом деле, у родителей наших был бы немислим такой разговор, как вот у нас теперь; по ночам они не разговаривали, а крепко спали, мы же, наше поколение, дурно спим, томимся, много говорим и все решаем, правы мы или нет»* (X, с. 84, «Случай из практики»).

Конечно, велико искушение объявить все эти притязания на обретение смысла смехотворными и претенциозно-нелепыми – и действительно, в мире Чехова встречаем отрицание смысла идеологически обусловленное и весьма убедительное: *«Как только стукнет двадцать лет, так и начинайте жить... Любите, женитесь... делайте глупости. Глупость гораздо жизненнее и здоровее, чем наши потуги и погоня за осмысленной жизнью»* (V, с. 136, «Тайный советник»). И все же в любимейшем самим автором рассказе «Студент» предложен совсем иной взгляд. Герой рассказа *«думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле»* (VIII, с. 309). И финал рассказа уже совершенно лишен авторского насмешливого интонирования, благодаря чему ощущение полноты жизни, приближающейся радости, охватившее Великопольского, осознается и читателем как истинное: *«ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла»* (VIII, с. 309).

Литература

Горький М. По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге» // Горький М. О русской и зарубежной литературе. Избр. статьи. М.: Юрайт, 2019. С. 35–38.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избр. труды / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: «Весь Мир», 1997. С. 43–163.

Румянцев О.К. Телеология: культура и натура [Электронный ресурс]. М.: Российский институт культурологи, 2004. URL: http://www.riku.ru/lib/fil_zk/gumyancev.htm (дата обращения 16.07.2019).

Сёмкин А.Д. «Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трывтрава». К вопросу о телеологической парадигме чеховского мира // Чеховские чтения в Ялте. Вып. 22: «Чехов на мировой сцене и в мировом кинематографе». Симферополь: АРИАЛ, 2017. С. 19 – 39.

Чудаков А.П. Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле. Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. С. 186 – 192.

References

Chudakov A.P. Mezhdú «est' Bog» i «net Boga» lezhít tseloe gromadnoe pole. Chekhov i vera. *Novyi mir*, 1996, no. 9, pp. 186-192. (In Russian).

Gor'kii M. Po povodu novogo rasskaza A. P. Chekhova «V ovrage». *Gor'kii M. O russkoi i zarubezhnoi literature. Izbrannye stat'i*. Moskva, Yurait, 2019, pp. 35-38. (In Russian).

Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass. *Izbrannye trudy*. Moskva, «Ves' mir», 1997, pp. 43-163. (In Russian).

Rumyantsev O.K. *Teleologiya: kultura i natura*. Moskva, Rossiiskii institut kulturologii, 2004. Available at: http://www.riku.ru/lib/fil_zk/rumyancev.htm (accessed 16.07.2019). (In Russian).

Semkin A.D. «Ili znat', dlya chego zhivesh', ili zhe vse pustiyaki, tryn-trava». K voprosu o teleologicheskoi paradigme chekhovskogo mira. *Chekhovskie chteniya v Yalte. Vyp. 22. «Chekhov na mirovoi stsene i v mirovom kinematografe»*. Simferopol', ARIAL, 2017, pp. 19-39. (In Russian).

Aleksey D. Semkin (St. Petersburg, Russian Federation)

«For What Purposes are they Suffering and for What are they Living». Again on the Teleological Paradigm of Chekhov's World

It is considered the paradigm of teleological models, attempts to answer the eternal question about the meaning and purpose of existence in Chekhov's. It introduces the concepts of «anchor model» (justification of life by simplifying it by forcing the introduction of meaning), «model vector» (general aspiration towards meaningful life) and «field man» (according to Chekhov's ideology, a true sage walking between the poles «there is a sense» and «there is no sense»).

Key words: *teleological model, meaning of existence, goal, model «anchor», model «vector», «field man», Chekhov.*

Aleksey D. Semkin – Candidate of Art Criticism, Associate Professor of Department of Literature and Arts at Russian State Institute of Performing Arts, St. Petersburg. Phone: +7-911-755-94-38; e-mail: gerasim.61@mail.ru